

18+

Алена Гордеева

---

**Как  
соблазнить  
некроманта**

# Алена Гордеева

## Как соблазнить некроманта

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=63987796](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63987796)*

*ISBN 9785005316387*

### Аннотация

Виржини Дейл встретила свою любовь уже будучи в браке и хочет развестись, вот только ее окружение не в восторге от этой идеи. Поэтому она наняла меня, чтобы я влюбила в себя ее мужа и развод инициировал он. Однако Ник – сильный некромант, а некроманты, как известно, не влюбляются. Готова ли я к скелетам в шкафу этого семейства? Легко ли врать в глаза некроманту? В деньгах ли дело, или я полюбила сама? А главное, что потом со всем этим делать, если «долго и счастливо» – совсем не наша история?

# Содержание

ГЛАВА 1. О КОВАРСТВЕ МУЖСКОМ И ЖЕНСКОМ	5
ГЛАВА 2. КОЕ-ЧТО О НЕКРОМАНТАХ	16
ГЛАВА 3. О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ НЕКРОМАНТСКОГО БЫТА	25
ГЛАВА 4. О ШРАМАХ ДУШЕВНЫХ И ТЕЛЕСНЫХ	40
ГЛАВА 5. В КОТОРОЙ МЫ ЗНАКОМИМСЯ С НОВЫМИ ГЕРОЯМИ И УЗНАЕМ СТАРЫХ С НОВОЙ СТОРОНЫ	50
Конец ознакомительного фрагмента.	62

# **Как соблазнить некроманта**

**Алена Гордеева**

© Алена Гордеева, 2021

ISBN 978-5-0053-1638-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

# ГЛАВА 1. О КОВАРСТВЕ МУЖСКОМ И ЖЕНСКОМ

[Эванжелина]

– Я хочу, чтобы ты соблазнила моего мужа! – выпалила  
Виржини Дейл, судорожно сжимая в руках дорогую сумочку.

Видимо, на моем лице отразился самый настоящий шок,  
потому что госпожа Дейл торопливо добавила:

– Не думай, я заплачу! Много! Ты сможешь уехать куда  
угодно и начать жизнь заново!

В некотором роде, звучало заманчиво – некрасивая исто-  
рия с моим женихом и несостоявшимся замужеством уже об-  
летела все светские салоны, так что в городе делать было уже  
ничего. Разве что выслушивать фальшивые соболезнования,  
сокрушения о черствости мужчин, спиной чувствуя торже-  
ствующие взгляды. Конечно, первая красавица и такое уни-  
жение! Я лично была рада, что узнала об истинном лице Вик-  
тора до свадьбы, а не после, и трагедией случившееся не счита-  
тала. Зато все общество считало, периодически пытаюсь убе-  
дить в этом и меня. Мне порядком надоело сидеть в чайной,  
делать покупки, да и просто прогуливаться под аккомпане-  
мент ехидных шепотков, так что о продаже дома я уже думала.  
Останавливало лишь то, что за мое полуразвалившиеся  
жилище много не дадут. Так что раз уж так складывается...

– Десять тысяч монет. Пять завтра.

– Идет! – так поспешно согласилась Виржини, что я поняла: продешевила.

– Это только за попытку. В случае успеха – еще столько же.

– Неплохо торгуешься, – оценила Виржини. – Но я не в том положении, чтобы выбирать.

– Зачем вообще тебе это нужно? – спросила я.

– Сначала договор, милочка, – усмехнулась она. – Детали потом.

На следующее утро в десять часов я стала богаче на пять тысяч монет и одну несчастливую любовную историю.

Виржини Дейл, в девичестве ле Клер, верила в любовь. Такую, чтобы с первого взгляда и до гроба. Вера эта заставляла ее упорно отвергать предложения руки и сердца от женихов, потому что среди них не было «того самого». Предложений, надо заметить, было довольно много – Виржини была хороша собой, обладала отцом-графом и большим приданым. Поначалу в семье к ее капризам относились снисходительно, мол, любимая дочь, неволить не станем. Однако время шло, любовь все не приходила, отвергнутые раза по три женихи плюнули на своевольную красотку и стали жениться на других. Тогда граф решил, что пришло время вмешаться, пока дочь не превратилась в старую деву. Правда, жениха он выбрал уже исходя из собственной выгоды, и Виржини вышла замуж за Николауса Дейла, чужака-северянина и некро-

манта. Порывав после свадьбы пару месяцев, Виржини смирилась с новым статусом и даже стала находить некую прелесть в роли несчастной и загадочной жены некроманта, вынужденной делить жизнь с чудовищем. Последнее, впрочем, произносилось шепотом, ибо в нынешнем просвещенном веке не принято относить некромантию к проклятому искусству, да и папенька, краем уха услышав слухи, жутко ругался, ибо не подобает жене позорить своего мужа, но мы-то знаем, на что способны некроманты... В общем, Виржини притерпелась к роли госпожи Дейл и радостно исполняла ее целых три года, а потом пришла Она – та самая Любовь в лице двоюродного кузена одной из ее подруг. Любовь была взаимной, светлой, настоящей и теперь Виржини отчаянно хотела развестись. Проблема была в том, что граф, ее отец, свято верил в семейные ценности, да и в светском обществе, игравшем в жизни Виржини огромную роль, разводы мягко говоря не одобрялись.

– Пойми, дорогая, если я просто так подам прошение о разводе, меня просто-напросто перестанут принимать в приличных домах! – заламывала руки она. – И потом, Ник ведь сильный некромант! Кто знает, что он может сделать, если разозлится. А вот если муж сам даст мне повод, изменит, опозорит... У меня просто не останется другого выхода, кроме развода!

И теперь я, Эванжелина Стонтон, должна стать любовницей ее мужа, некроманта Николауса Дейла, чтобы дать ей

возможности обрести свое счастье.

Фу, как непристойно, скажут одни. Приличные девушки так не поступают, добавят другие. Обстоятельства бывают разные, отвечу я. Готовы к еще одной несчастливой истории?

В отличие от Виржини, у меня нет ни денег, ни титула, ни любящего отца. Отца, впрочем, нет вообще никакого, матери теперь уже тоже. Есть тетушка Энни, но это нестрашно: она живет в миленьком доме престарелых, получающем содержание от ее небольшого имения, и проводит время за чаем с прелестными старичками закалки другого поколения. Я знаю об этом, потому что приезжаю к ней пару раз в месяц. В целом, она давно впала в блаженный старческий маразм, и иногда мне кажется, что ее жизнь в чем-то даже приятнее моей. Слухи обо мне ее уж точно не беспокоят. Маму бы беспокоили: она была одержима мыслью, что всегда нужно поддерживать лицо и не давать повода для пересудов, даже когда мужчина, которого она безусловно любила и которому подарила свою честь до свадьбы, исчез в неизвестном направлении. Зато осталась беременность, и, как следствие, я. Впрочем, маму любили, поэтому делали вид, что верят рассказу, что брак все же состоялся, но муж трагически погиб, не успев представить ее своей семье и официально дать имя рода. Внебрачным ребенком не попрекали, больше жалели, да и предложения руки и сердца мужчины ей делали не раз. Мама была светлой, доброй и красивой той нежной хрупкой красотой, что вызывает желание оберегать и заботиться.

Но похоже она и впрямь любила того проходимца, потому что замуж так и не вышла. Любила и меня, а ведь я явно пошла в отца: сходства у нас с мамой никакого, я, хоть и тоже красива, но совсем по-другому. Обо мне заботиться во все не хочется, хочется обладать. Это я поняла довольно рано, еще в четырнадцать лет, когда почтенный сорокалетний вдовец сперва угощал меня дорожными конфетами, потом подарил пару сережек, а затем попытался зажать в коридоре. Я не растерялась, разбила об его голову вазу и убежала, когда он потерял сознание, а потом рассказала обо всем маме, испугавшись, что убила настойчивого ухажера. Она не стала меня ругать, рассказала, что мужчинам нужно от женщины, и объяснила, что ко мне, с моими длинными золотистыми волосами, голубыми глазами, пухлыми губами и уже сформировавшейся женственной фигурой с округлостями в нужных местах, всегда будут проявлять повышенное внимание.

– Только будь внимательна, дорогая, мужское желание – это не гарантия серьезных намерений, могут наиграться и бросить, как произошло со мной, – сказала тогда она.

У господина Мирена, как звали несостоявшийся труп, серьезные намерения были – на следующий день он пришел свататься с цветами, фамильным кольцом и перевязанной головой. Матушка отказала ему, сказав, что не вправе решать за меня, а сама я еще ребенок. Тот обещал ждать и откланялся. Через четыре года матушка внезапно умерла: легко, во сне, отчего-то сердце отказало. А я не могла поверить,

что осталась совсем одна. Вот тогда-то и появился Виктор, новый сосед, богатый и знатный. Особо не красивый, но это в мужчине и не главное. Честно говоря, любви между нами не было: он меня попросту желал, а я за это время уже осознала мужской интерес ко мне, равно как и его природе, и намеревалась распорядиться им как можно выгоднее (да, прагматичной я тоже стала довольно рано). Мне льстило, как он теряется рядом со мной, краснеет, бледнеет, прерывисто дышит, сжимает руки... А вот его мать меня терпеть не могла, возможно потому, что прекрасно видела, что ее сына я не люблю, да и явно не являюсь подходящей партией. Хотя я бы очень старалась быть хорошей женой, честно. В итоге я пошла ва-банк, отдала Виктору девичью честь (так и не поняв, что люди находят в этой возне под одеялом), будучи уверена, что теперь-то он точно женится, и проиграла. Тихоня Виктор внезапно оказался помолвлен: это его мама постаралась, мол, всплыли какие-то давние обязательства сговора с дочерью ее старых знакомых еще в детском возрасте, а она запамятовала, даже заверенные у законника документы нашлись – предварительный брачный договор. Виктор меня не отстоял, еще и промямлил, что приличные девушки себя блюдут, это ему, мужчине, простительно, а вот мне... Поэтому в свете случившегося он сомневается в моей способности быть верной женой, мама права, он действительно поторопился, к тому же мое происхождение порочно, а яблонька от яблони... Вот на этом месте я хорошень-

ко его ударила, тем самым подтвердив, что терпеливой и послушной жены из меня все же не выйдет, и наш разговор был окончен. Зато начались разговоры соседей – его мать (разумеется, по большому секрету) поделилась со своими подругами своими сожалениями о моей неопытности и наивности: бедная девочка, не знала, что у мужчин на уме лишь одно, сказывается отсутствие отцовской руки, а Виктор молод и горяч, ему простительно... Бедному мальчику сейчас так неловко!

В общем, я стала весьма знаменита и решила сменить место жительства. Умение философски относиться к проигрышам мне, кажется, тоже досталось от моего отца, мама бы не пережила такого. Как и предложения Виржини. А я подумала: почему бы и нет? В конце концов, есть целители, способные снова сделать меня девицей, были бы деньги. А если уехать... Мне никогда особо не нравился наш городок.

Вопрос был в том, кем мне представиться господину Дейлу.

Подруг Виржини он знал, на родственницу я не годилась, в ученицы пойти не могла.

– А если в домоправительницы?

– Я не особо умею кем-то управлять, – честно ответила я.

– О, у нас очень смиренные слуги, – нервно хихикнув, сказала Виржини. – И послушные. Не переживай, ты справишься. Я завтра уезжаю к подруге погостить, Ник остается, он терпеть ее не может, а ты приступаешь к работе.

– А с ним насчет моей кандидатуры посоветоваться не надо? – осторожно поинтересовалась я.

– Слугами занимаюсь исключительно я, – махнула рукой Виржини. – Так что домоправительница вполне сойдет за мою прихоть: забочусь о муже, а то он как засядет в своем подвале! Даже поесть забывает. Экспериментирует, можешь себе представить?

– С трупами? – уточнила я. Не то чтобы я боялась мертвецов, но мысль о подвале, полном хладных тел, особого энтузиазма не вызывала.

– Хуже, милочка, хуже, – Виржини, видимо, по привычке, картинно коснулась платочком глаз. Слез в них не было, но ее это не смущало. – Он работает с призраками и личами! Восставшими мертвецами! Неупокоенными душами! Представляешь, какой кошмар?!

– Нет, – честно ответила я, и на недоуменный взгляд Виржини пояснила:

– Я ничего не смыслю в некромантии.

Судя по продлившейся паузе, Виржини тоже не особо в ней смыслила, но страдать ей это не мешало: призраки, неупокоенные... Звучит -то как! Ее подругам, похоже, этого тоже было достаточно, чтобы повосхищаться ее мужественностью, и в теоретическую часть никто не углублялся.

– Э-э-э-э, в общем, это ужасно! – наконец сообщила Виржини. – Что-то еще тебя интересует?

– Вкусы, привычки?

– Мои?

– Ника, – со вздохом пояснила я. – Мне ведь нужно привлечь его внимание.

– Думаю, оно само вполне привлечется, – как-то неприязненно сообщила госпожа Дейл, окидывая меня взглядом. Сама Виржини была довольно привлекательна – изящная, светловолосая, с по-детски распахнутыми карими глазами. Немного портили ее только поджатые, какие-то вечно недovolные губы.

– Уверена? Мы только цветом волос похожи. Может, я вообще не в его вкусе? – усомнилась я.

– Он тоже женился не из большой любви ко мне, – поморщилась Виржини. – Да и вообще, он женским вниманием не избалован, так что просто покажи свой интерес. В конце концов, мужчины же просто испытывают потребность в женщинах!

– Он часто изменяет? – поинтересовалась я. Если Ник отличается повышенной любовью к прекрасному полу, моя задача значительно упрощается, главное, чтобы нас застали вместе, но с этим уж я разберусь.

– Вот и узнаешь, милочка, фыркнула Виржини. – Мне это совершенно неинтересно! В этом захолустье у него точно никого не было, а лично я с ним давно не близка. Просто сыграешь на своей доступности.

Я поморщилась: строить из себя распущенную девицу не хотелось, мой план был совершенно противоположным.

Да, проявить интерес, а потом совсем наоборот... Если для Ника Виржини тоже была в первую очередь выгодной партией, разводиться из-за непонятной девицы он точно не станет даже если до постели дойдет. Значит, нужно сыграть на чувствах... Я хихикнула: чувства у некроманта, даже звучит забавно. Поговаривали, что они теряют часть души из-за частого соприкосновения с тьмой, и чем сильнее некромант, чем дольше практикует темное искусство, тем равнодушнее относится к происходящему. Некая логика в этом была – они слишком часто сталкиваются с Той стороной, смертью, поистине кошмарными вещами, и если будут ощущать все как обычные люди, то просто лишатся рассудка.

– А какие у него привычки? Ну, например, если он любит рано вставать и пить чай на веранде, я могу делать то же самое...

– Честно говоря, не обращала внимание, – пробормотала Виржини. – Вот работает он много...

– Ладно, а какое-то любимое блюдо?

– Да он всеядный... Что готовят, то и ест.

– А в женщинах ему что нравится? Вдруг я сделаю что-то, что его оттолкнет?

– Например? – удивилась госпожа Дейл.

– Ну, может, он ненавидит, когда они пользуются пудрой? Или красной помадой?

Виктор вот красную помаду пережить не мог. Она только-только входила в моду, и я была страшно рада, что по-

лучилось ее достать. Он же начал возмущаться, что яркими оттенками пользуются только падшие женщины для привлечения мужчин, а не приличные леди. Я тогда очень хотела подпадать под его видение достойной леди, поэтому помаду зашвырнула подальше. А лучше бы поинтересоваться об источниках его знаний о падших женщин и спросить, как часто он с ними общается.

– Я не знаю, – пробормотала Виржини. – Он ничего такого никогда мне не говорил...

– А духи? Какой-то аромат, который вызывает у него романтические чувства, воспоминания?

– Э-э-э...

– Слушай, ты хоть раз с ним вообще спала? – не выдержала я.

– Ну вообще спала, – со вздохом призналась Виржини. – Но это было ужасно! Он... Такой бесчувственный! И холодный! К тому же, у него полно шрамов, это ужасно!

Кажется, я начинала сочувствовать Нику – его брак изначально был обречен.

## ГЛАВА 2. КОЕ-ЧТО О НЕКРОМАНТАХ

[Эванжелина]

Особняк четы Дейл располагался немного на отшибе от населенной части города, был огорожен железным витым ограждением, и особыми признаками, позволяющими определить, что здесь живет некромант, не располагал. Калитка вообще была нараспашку, что вызвало у меня мысль о скорее декоративной функции забора, чем защитной. Рядом со входом никого не было. Для приличия покричав что-то вроде «Добрый день, хозяйева!» и «Леди Виржини, Вы здесь?», я все же зашла, рассудив, что если какая-то защита и стоит, то заклинания будут нацелены как минимум на оружие или недобрые помысли в отношении хозяев, а не на проходящую мимо горожанку. Тут же возникший вопрос, можно ли считать недобрыми мои намерения в отношении Николауса, я разрешила в свою пользу: брак у него несчастливый, разведется – найдет получше; близкого общения с женщиной ему не хватает – так я за этим иду, как минимум, для здоровья полезно; буду восторженно поддерживать его идеи (о которых женщина, прожившая в целом с ним четыре года, вообще не имела понятия: «Ну что ты, милочка, это же скучно! Я просила никогда не говорить о своей работе, особенно на се-

мейных обедах – занудно и аппетит отбивает») – может, действительно что получится. В общем, я, несомненно, источник одной сплошной пользы для господина Дейла, который даже не представляет, насколько ему со мной повезло.

Сад, располагавшийся за оградой, рос, мягко говоря, хаотично: если логика в расположении роз еще как-то прослеживалась, то кустарники получили карт-бланш на разную высоту и на размещение где угодно. Семена, похоже, прижились и пускали корни в любом месте, куда их относил ветер, а декоративной подрезкой никто не занимался. Довольно странно, надо заметить: у Виржини не было средств на хорошего садовника или ей было наплевать?

Хотя рядом с некромантами цветам расти вообще особо не полагалось...

Дорожкой от калитки до крыльца особняка тоже не занимались, я догадалась, что иду в правильном направлении лишь по остаткам декоративных камней. Дейлы купили особняк около полугода назад, въехали через пару месяцев... За четыре месяца Виржини вполне могла бы придать ему как минимум жилой вид.

Я со вздохом поднялась на высокое крыльцо и хорошенько постучала. Одно дело входить в открытую калитку, совсем другое – вламываться без приглашения в дом. Выбегать мне навстречу или хотя бы отзываться никто не спешил, и я постучала еще, а потом – еще и еще. Когда мысль о легком послеобеденном сне на одном из моих чемоданов стала ка-

заться все более соблазнительной, двери, на которые я облокотилась, открылись внутрь, причем внезапно и бесшумно. Я этого не ожидала и полетела носом в пол. Точнее – носом в живот господину некроманту, эти двери и открывшему. Дейл удара тоже не ожидал, поэтому полетел вниз, с непечатаемым выражением ударившись о зоалтанский паркет. Я оказалась сверху, поэтому падать было чуть приятнее (паркет славился редкостной твердостью), но не намного – Николаус отличался не только высоким ростом, но и значительной худобой. Зато господин некромант удивительно приятно пах: свежестью, лимоном и чем-то горьковатым. Вопреки стереотипу о холодной крови служителей Той стороны и их замедленном сердцебиении, его тело было довольно горячим, особенно запястья, за которые я схватилась машинально при падении, а под своими пальцами я отчетливо ощущала его пульс, бывший слегка учащенным. Со стороны выглядело, должно быть, забавно: будто я напала на Дейла и прижимаю его к полу.

– Я, конечно, слышал, что от экономок и домоправительниц вреда бывает больше, чем пользы, но с порога сбивать меня с ног – это уж чересчур, – голос у Дейла был хрипловатый, какой-то простуженный.

– Эванжелина, верно?

– Леди Стонтон, вообще-то, – недовольно пробурчала я. Называть по имени малознакомую леди было, мягко говоря, неприлично.

– Судя по тому, что я слышал, не совсем леди, – сообщил мне Ник. Не с насмешкой или злостью, просто констатировал факт.

– Ну знаете, – вспыхнула я, поднимая голову, – я пришла не затем, чтобы меня оскорбляли!

– Так уходите, – таким же спокойным тоном предложил некромант.

Я не нашлась, что сказать, и гневно взглянула на Дейла, который как-то отрешенно рассматривал меня своим темными глазами. Муж Виржини был довольно симпатичным, я бы даже сказала, привлекательным, но с ним явно что-то было не так. Внятно выразить это самое «не так» я не могла, но как-то внутренне подобралась.

– Вам удобно? – задумчиво поинтересовался Ник после пары минут взаимного разглядывания.

Я снова вспыхнула, осознав, что так и лежу на мужчине.

– Простите, – я неловко поднялась. – Я долго стучала, но никто не открывал...

– За это время Вас не посетила светлая мысль, что стоит пойти туда, где Вам будут действительно рады?

А вот теперь я сочувствовала Виржини. С этим типом вообще невозможно разговаривать!

– Мне рада Виржини, я приехала по ее просьбе.

– Виржини здесь нет, можете ехать обратно.

– Не могу, – рявкнула я. – Это место было предложено мне с проживанием, я выставила дом на продажу и теперь

не могу там жить!

Чистая правда, кстати.

– Вы ведь в курсе, что здесь не приют для девиц, попавших в тяжелую ситуацию?

Если бы мне нужна была работа домоправительницы, я бы развернулась и ушла. Еще бы и дверью на прощание хлопнула. Но мне нужен был конкретно господин Дейл, потому что я всерьез рассчитывала на деньги Виржини.

– Мне кажется, мы не с того начали, господин Дейл, – мило улыбаясь прощebetала я. – Я пришла на место домоправительницы, хотела бы узнать, какую комнату могу занять и познакомиться со слугами.

– Занимайте любую, мне совершенно все равно, – теперь Николаус откровенно разглядывал меня ног до головы, а мне почему-то казалось, что платье ему не помеха, он видит меня обнаженной и, пожалуй, увиденное ему нравится. Это было... Странно. Неприлично. И немного приятно.

– Только в лабораторию не спускайтесь, Эванджелина, она в подвале.

Вот же... упертый тип.

– Как скажете, Николаус. — Некромант вздрогнул. – Полагаю, я могу называть Вас по имени, раз Вы так быстро отказались от формальностей в мой адрес.

– Люди моей специальности не всегда хорошо воспитаны, Эванджелина, учитывайте это при нашем дальнейшем общении. А вот Вам стоит следить за своими манерами.

Интересно, если я его убью и Виржини не разведется, а овдовеет, мою задачу можно считать выполненной? Помеха к новому замужеству устранена, какая разница как...

Только, подозреваю, не так-то просто убить некроманта.

– Да, господин Дейл, – мило улыбнулась я.

Николаус оглядел меня еще раз и с какой-то тоской предложил:

– А хотите, я Вам заплачу, а Вы уйдете?

– Я не могу, – честно ответила я. И добавила:

– Я заключила с леди Виржини магический контракт, она переживала, что в ее отсутствие я стану плохо выполнять свои обязанности.

– А какие у Вас обязанности?

– Заниматься домом и слугами.

– Слуги прекрасно справлялись и без Вас.

– Ну знаете, я бы так не утверждала, – искренне возмутилась я. – У Вас в саду всегда такой ...ммм ...творческий беспорядок?

– Что? – Ник обвел сад взглядом так, будто видел его впервые. – Так это временно, у Онима пока первая фаза, он невнимательный слегка... и медлительный. Через неделю пройдет.

– Первая фаза чего? Ваш садовник болен?

Некромант вдруг широко улыбнулся, превращаясь из привлекательного мужчины в настоящего красавца.

– Виржини не предупреждала об особенностях наших

слуг?

– Ну она говорила, что они послушные.

– Вы даже не представляете, насколько, – некромант продолжал улыбаться, а у меня нехорошо засосало под ложечкой. – Располагайтесь, Эванжелина, постепенно слуги сами с Вами познакомятся. Хорошего Вам первого рабочего дня, – и вышел из холла так быстро, что я даже рот не успела раскрыть.

Потрясающее гостеприимство. Слуги сами найдут, с комнатой для проживания сама разберешься, как и с тем, где кухня, купальня, удобства для естественных нужд в конце концов. Хоть бы помощь с чемоданами предложил!

[Ник]

Домоправительница, надо же!

Ник усмехнулся своему отражению, привычно собрал темные волосы в хвост, перевязал кожаным шнурком, плеснул в лицо ледяной водой. По-настоящему ледяной, с плавающими в ней кубиками льда, которые таяли при соприкосновении с телом. Тьма внутри яростно бурлила, требуя найти девчонку и вытрясти из нее правду, пусть даже для этого придется сделать ей больно, требуя... Просто дотронуться.

У нее дерзкий взгляд, огромные голубые глаза, в которых тонешь, пухлые губы, нежная кожа. Сладко пахнущие цветами золотистые волосы, из которых хочется вытащить все шпильки и зарыться в них пальцами. Попробовать ее губы

на вкус. Сорвать дурацкое платье и прикасаться к ее нежной коже. Везде. Или чтобы она прикасалась к нему... Ник вспомнил ощущение ее пальцев на своих запястьях и глубоко выдохнул.

Она назвала его по имени, и Нику понравилось. Захотелось услышать еще, но уже в другой обстановке. Слишком захотелось, поэтому он намеренно ее осадил. Его яростно потянуло к девушке с первой секунды их встречи, но чем больше они говорили, тем больше он злился на себя за острое желание и на нее за те чувства, что она вызывала. Она была красива, желанна и лгала с того момента, как вошла в его дом.

Некроманты его уровня прекрасно чувствуют эмоции. Мысли не читают, но общее состояние вполне ощущают. Ей не нужно место в его доме, точнее нужно, но не из-за работы. Поэтому он так говорил с нею, грубил, провоцировал. И она злилась, это он отлично чувствовал, но продолжала мило улыбаться, в душе, вероятно, желая разбить пару ваз об его голову.

Самое паршивое, что к ней тянуло и его тьму, но тьма не знает граней и полутонов. Если поддаться, то через пять, самое большее десять, минут он будет знать всю правду, и девушка даже будет жива, только уже не совсем здорова, но тьме плевать на этику. Она и выжить-то Эвангелине позволит лишь затем, чтобы Ник смог насладиться ее телом сполна, а что будет потом – неважно, человеческие жизни

так дешево и хрупки...

Ник этого не хотел. Точнее, хотел, но не таким способом.

Что ж, он подождет финала представления. Подождет, сколько сможет.

# ГЛАВА 3. О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ НЕКРОМАНТСКОГО БЫТА

[Эванжелина]

Полностью обойдя дом (за исключением подвала и нескольких комнат в правом крыле – Виржини предупредила, что эта часть полностью занята Ником и лучше туда не соваться, а мне, честно говоря, не очень-то и хотелось, я осознала, что дом вызывает у меня чувство грусти. Сам по себе он был построен довольно удобно, имелось несколько гостевых комнат с отдельными купальнями – если кто-то захочет задержаться, большая и малая гостиная для приемов, просторная и светлая обеденная зала, библиотека, гардеробная – я едва заглянула туда, осознала, что все забито вещами Виржини, и мне там делать нечего. За первым этаже был так называемый зимний сад – небольшая пристроенная застекленная веранда с парой столиков и несколькими креслами для чаепития, стоявшими в окружении растений, растущих в кадках, а также нескольких вьющихся по специально установленным опорам. Я подумала, что с удовольствием бы пила прохладными вечерами чай именно здесь.

В целом, дом мне понравился. Однако, судя по пыли, и какому-то особому запаху, присущему нежилым помещениям,

который чувствовался в большинстве комнат, складывалось впечатление, что домом пользовались едва ли наполовину. Будто владелец сперва начал радостно обставлять комнаты по последней моде, а потом забыл о жилище как о надоевшей игрушке. Припомнив, что я слышала о чете Дейлов, я начала понимать: Виржини обожала приемы и наверняка собиралась устраивать их у себя, вот только отправляться гости к некроманту желающих не находилось. Я, во всяком случае, не слышала ни об одном мероприятии у госпожи Дейл, а город у нас небольшой, любой прием долго обсуждается местными кумушками, даже то, что сами сплетницы там не были, никогда никого не смущает. Местами откровенно прослеживался слой пыли – похоже, горничные, относились к своей работе без должного энтузиазма. Похоже, Виржини забросила дом, осознав, что гости маловероятны. Наверняка, любви к мужу ей это тоже не прибавило.

Остановившись на одной из гостевых комнат на втором этаже и разложив вещи, я предприняла еще одну попытку найти слуг – хотя бы потому, что с удовольствием выпила бы чаю. Обнаружив кухню, я к своей радости нашла там в корзинке свежесдобитые булочки с вареньем и сыром, а в леднике молоко и сливки. Пузатый, начищенный до блеска чайник тоже имелся. Оставалось найти, собственно, сам чай, так что я с энтузиазмом начала исследовать шкафчики.

Через несколько минут я поняла, что кухарка Дейлов довольно интересная и творческая личность. В шкафах об-

наружились разнообразные и даже редкие пряности, чай, сахар, приправы, которые находились в полном беспорядке: соль была рассыпана по верхней полке, корица отчего-то лежала в банке с приклеенной надписью «Крысиный яд» (но это точно была корица!), сахар, острые приправы и душистые суповые травы соседствовали в разных отделениях одной емкости для хранения, а этого делать нельзя – сахар будет пахнуть как острое жаркое, напитки, в которые его добавляют – соответственно, тоже. Похоже, хаос был отличительным и нормальным состоянием этого дома.

Я взяла на заметку сделать выволочку кухарке (когда найду хоть кого-то в этом доме!), подогрела воду, заварила чай с лимонными травами, положила на поднос пару булочек и решила пойти-таки на очаровывающую меня веранду.

Начинало смеркаться, и в воздухе уже ощутимо чувствовалась вечерняя прохлада. Я поставила поднос на столик, налила чай и собралась откусить булочку, когда дверь скрипнула и послышались осторожные шаги.

– О, наконец-то я познакомлюсь с другими обитателями дома! – обрадовалась я, отложив еду и оборачиваясь.

За моей спиной никого не было.

Стало слегка неудобно. Может, ветер распахнул дверь, а шаги почудились?

Я напряженно вгляделась в полумрак, но никого так и не увидела. Зато почувствовала странный запах – будто рядом пронесли что-то несвежее.

Пожала плечами, отгоняя тревогу. Брось, Эванжелина, ты в доме у некроманта, воры, разбойники и другие нехорошие личности, которые могут забраться в дом, исключены. Так что нужно просто наслаждаться чаем и свежей выпечкой.

Однако попробовать сладкую булочку мне все же не довелось – крадущиеся шаги раздалась вновь, странный запах приблизился, и обернувшись на этот раз и уткнувшись взглядом в фосфоресцирующие красные глаза, я поняла, что с желанием нужно быть конкретнее, потому что мое исполнилось – «кого-то» я таки встретила. Просто мне в голову не пришло, что этим «кем-то» окажется не человек.

[Ник]

Жидкость в хрустальной пробирке бурлила синими волнами. Со стороны человеку непосвященному это показалось бы даже красивым, но Ник Дейл был вполне себе посвящен, поэтому быстро капнул внутрь несколько капель нейтрализатора. К синему добавились черные спирали, содержимое пробирки будто огорченно вздохнуло, расстроившись, что его не выпустили наружу, и постепенно приобрело ровный голубой цвет. Ник покачал головой и внес заметки в лежащую рядом тетрадь, довольно потертую, помятую, с легкой россыпью темных (это чернильная клякса) и оранжевых (а это апельсин) крапинок на страницах.

В лаборатории ощутимо похолодало – подвал был ниже уровня земли на несколько метров, а заработавшись, Ник ча-

стенка забывал включить систему подогрева дома – ужасно дорогую, ее поставили по настоянию Виржини, которая вечно мерзла. При мысли о жене Ник снова покачал головой – она явно что-то задумала, узнать бы... Зачем ей здесь эта пришлая девица? Распрекрасно жили и без домоправительницы. Что ей нужно? Обворовать некроманта? Ну-ну... может убить? Еще смешнее, да и это Ник бы почувствовал сразу.

При воспоминании о девушке неожиданно сладко отозвалось все тело, а Ник вздрогнул. Если тьма чего-то хотела, она обязательно получала это, рано или поздно. Так что лучше бы девице бежать отсюда побыстрее.

Тьма на его мысль недовольно взбрыкнула, а на место приятному ощущению предвкушения пришла знакомая ноющая боль в боку – от холода шрам от заклятия Ледяного дождя периодически начинал противно поднывать. Травы не помогали, как и заклинания, оставалось лечь в купальню почти в кипяток и лежать час или два, чтобы хоть слегка отпустило.

Что ж, в лаборатории он на сегодня закончил, так что можно и поболеть. Ник невесело усмехнулся – чушь это, что некроманты бессмертны и неуязвимы. Да, восстанавливаются быстрее, меньше обращают внимание на боль – они привыкли к ней с детства, знают больше заклинаний, сложнее попадают под воздействие – тьма создает некий щит, через который все долетает ослабленным в десятки, а то и сотни раз. Но достать некроманта очень даже можно, как и убить.

Хорошо, этого не знают обычные люди, которые никогда не бывают в восторге от близкого соседства со служителями тьмы. Нет, если что-то случается, то конечно – спасите, господин, в ноги кланяются. А потом фиги за спиной крутят – будто это помогает.

Ник потер бок, поморщился и встал. Оним сочувственно вздохнул и жестом показал на пробирки и шкаф – убирать?

Ник кивнул.

Надо дойти до купальни и выпить все-таки травы. А лучше – настойку с примесью вишни, которую Нику привез бывший сокурник, тоже носивший метку от сильного заклятия. Очень рекомендовал как обезболивающее. Все руки не доходили попробовать, но кажется, время пришло. Спиртные напитки Ник не любил, от них ужасно болела голова – это была его индивидуальная реакция, как сказал ему лекарь еще во время обучения, так что в студенческих попойках Дейл не участвовал. Было бы забавно заработать головную боль лечась от боли в боку. Хотя обычная вишневая настойка вообще считается женским напитком, градусов в ней немного. Интересно, Эванжелине она нравится? Как вкус вишни будет ощущаться на ее губах?

ТЬфу ты, черт!

– Да, дружище, кажется, я немного вляпался, – сознался садовнику Ник, задумчиво наблюдая, как Оним ловко расставляет реактивы, колбы и склянки в огромном деревянном шкафу. – Странная девица... Обычно тьма так не реагиру-

ет... Может, проследить за ней? Кстати, ей не нравится, что ты сделал с садом.

Оним покаянно развел руками, мол, прости, хозяин, сделал, что смог.

– Да-да, – рассеянно пробормотал Ник. – Ты не садовник, я помню... Но постарайся привести сад в порядок хотя бы где розы рядом со входом в подвал, а то эта особа непременно сунет туда свой нос.

Оним согласно кивнул. Он вообще отличался редкостной немногословностью как до начала службы Нику, так и во время нее, ему даже голосовые связки восстанавливать не пришлось. Это делало его прекрасным ассистентом – он не вскрикивал, если что-то падало или взрывалось, не останавливал эксперименты, бляя робкое «господин некромант, может, не будем смешивать экстракт полуночного шабельника с вытяжкой ламиса, рванет же» как делал ассистент предыдущий. Рвануло, кстати, действительно изрядно, но недостаточно для охлаждения исследовательского пыла Ника, и вообще ну кто под руку говорит?

Бросив последний взгляд на уже убранный стол, Ник начал подниматься по лестнице, периодически неволью морщась от боли в боку. Когда осталось всего несколько ступенек, и мыслями Ник был уже в купальне, дом прорезал истошный женский визг.

[Эванжелина]

Если б раньше меня спросили, что самое важное для домоправительницы некроманта, я бы предположила что-то вроде спокойного отношения к странным посетителям, умение держать язык за зубами и не обсуждать происходящее дома и причуды хозяина, если таковые имелись; возможно, готовность встречать гостей в любое время суток или варить особенно крепкий кофе, наконец (ну мало ли, Нику же по ночам бодрствовать положено). Теперь я знала точный ответ на этот вопрос, хоть он меня и не радовал: главное – хорошая физическая подготовка и отсутствие обоняния.

Я и полуразложившийся лич мирно бежали по саду. Точнее я удирала со всех ног, насколько это возможно в длинном платье и туфельках, периодически спотыкаясь о камни и корни деревьев, которые никто не убирал и не выкорчевал (нет, садовника точно убью, если сама выживу), а лич мирно бежал ровной трусцой, будто пробежка входила в часть его ежедневной спортивной подготовки. Наше душераздирающее знакомство состоялось на столь понравившийся мне веранде, на которой, судя по всему, он и обитал, днем прячась, возможно, внутри или между кадок с растениями, а в активное состояние приходя ближе к ночи, почему я и столкнувшись с ним практически нос к носу за вечерним чаем. Я, конечно, не была специалистом по ожившим мертвецам, но даже моих скудных познаний хватило на то, чтобы понять: надо убегать, причем быстро. Из всех переродившихся личи были самыми быстрыми и довольно проворными, особенно

если хотели есть. Выяснить его режим питания и вежливо уточнить, был ли уже у него ужин, мне как-то не хотелось, да и не вышло бы: человеческую речь личи если обрывками и понимают, то связно ответить все равно не могут, если только повить с разной интонацией. Но мне и без воя было жутковато, так что я оттолкнула жалобно скрипнувший столик и вылетела в сад, не чувствуя ног.

Самые безобидные из условно «оживших» мертвецов – это, как ни странно, зомби. Да, они тоже кровожадны и охочи до живой плоти, но при этом медлительные и, мягко говоря, сообразительностью не отличаются. Например, принять решение перелезть через забор, за которым прячется потенциальный ужин, уровня их мыслительной активности будет недостаточно. Острым обонянием они тоже не отличаются, так что в целом укрыться от них не так уж и сложно.

На втором месте находится гули. Эти уже понимают, когда нужно перепрыгнуть или перелезть через что-то, проделать где-то дырку, могут попытаться влезть на дерево, если достаточно долго пребывают в этом состоянии и уже отрасли длинные загнутые когти. Обоняние у них развито отлично, и во многом благодаря ему они знают, что, скажем, за стенкой в данный момент скрывается пара источников высокой пищевой ценности. Также они чувствуют еще и тепло, но только на близком расстоянии.

Личи же максимально близки к среднестатистическому человеку. Они способны оценивать расстояние до цели, вы-

бирать наиболее простые и короткие пути, ощущают тепло и запах за пару сотен метров, что делает их весьма успешными охотниками. Скорость у них тоже очень даже приличная, поэтому факт, что я смогла сбежать с веранды и довольно долго (по меркам лича) неуклюже нестись по скудно освещенному саду, а меня не то что не съели, но даже еще не надкусили, был довольно странным. Может, этот лич сытый и гонится за мной исключительно на голых инстинктах, потому что я первая начала убегать? Я подумала и притормозила даже не столько для того, чтобы проверить свою теорию, сколько чтобы перевести дыхание. Нет, я безусловно люблю вечерние прогулки на ночь, но в более приятной компании и менее быстром темпе. Выдохнув и обернувшись, я с грустью констатировала, что лич и не думает останавливаться, просто не торопится, и на тех же инстинктах с радостью все же откусит от меня кусочек, а то и вовсе обглодает до костей, исключительно про запас, на голодные времена. Так что мы переглянулись и продолжили наше чудесное времяпрепровождение.

Через несколько минут, осознав, что я все-таки замедляюсь, а лич – нет, при этом к нашему более близкому знакомству я пока что морально не готова, я, наконец, вспомнила что в одном доме со мной находится человек (ну или почти человек), вполне способный разрешить сложившуюся ситуацию. Осталось только привлечь его внимание, причем как можно быстрее. Поэтому я прибегла к чисто женскому, го-

дами и поколениями проверенному способу – отчаянно завизжала.

От образа джентльмена Ник, конечно, был довольно далек, но где-то в глубине души, видимо, еще сохранилась струнка, не дающая ему оставить леги в беде: некромант оказался в саду буквально через несколько секунд после моего вопля. Бросил недоуменный взгляд на растрепанную и запыхавшуюся меня, удивленно поднял брови, потом посмотрел на лица, находящегося уже в нескольких шагах от нас. Однако успокаивать его повторно, и на этот раз окончательно, отчего-то не стал. Наоборот, развернулся к мне и с ухмылкой сообщил:

– Эванжелина, если Вы занимаетесь пением, это меня совершенно не касается, и я хочу, чтобы так оно и оставалось, так что будьте любезны репетировать подальше от дома. Я бы вообще рекомендовал Вам бросить занятия, это явно не Ваше – я было подумал, что вас тут убивают.

– Я ...я... – у меня просто не было слов. – А он?

– А что он? Это Меркон, временное экспериментальное пособие, я сейчас работаю над веществом способным останавливать гниение плоти без применения магии. Принцип один и тот же, как и в случаях с людьми. Только отчего-то среди живых удивительно мало желающих поработать с некромантом, даже при наличии шансов бесплатно вылечить запущенные раны и заболевания, сохранив руки, ноги, а иногда и жизнь, – в голосе Ника проскальзывала едкая иро-

ния, но я каким-то шестым чувством осознавала, что за ней прячутся горечь и злость.

– Должно быть ужасно, когда стараешься изо всех сил ради чего-то хорошего, а все результаты идут насмарку из-за недоверия и дурацких слухов.

Я не сразу поняла, что сказала это вслух. Ник сделал несколько быстрых шагов и встал ко мне почти вплотную. Пару неловких минут стояла тишина. Я снова почувствовала исходящий от него запах горькой свежести, слышала его хриловатое дыхание, ощущала тепло, исходящее от него тела. Сердце отчего-то застучало быстрее, чем когда я убегала от лича, щеки запылали, в горле пересохло и я неосознанно облизнула губы. Услышала судорожный вздох некроманта и буквально кожей почувствовала, что, пожалуй, пора уходить, раз уж все выяснилась.

– Вы правы, Эванджелина, – тихо произнес Ник, медленно растягивая мое имя и будто лаская голосом, ставшим низким и бархатистым. – Люди часто бывают глупы и недоверчивы, не видят дальше собственного носа, да и не хотят видеть. Но к Вам это ведь не относится, верно? Почему Вы пришли именно в мой дом?

Вопрос мне не понравился.

– Потому что я познакомилась с Вашей женой, – я очень старалась, чтобы голос не задрожал.

– Забавно, – с той же ласкающей интонацией произнес некромант. – Вы могли заработать гораздо больше, не делая

ничего. Вы редкая красавица, Эванжелина. Многие мужчины были бы счастливы обеспечить Вас за право наслаждаться Вашей красотой

Какой чудесный разговор, с каждой секундой «нравится» мне все больше и больше.

– А может, Вы пока просто не нашли того, кто даст подходящую цену?

– Если Вы продолжите в том же духе, я Вас ударю, – предупредила я. Этому уроду удалось меня задеть – я вдруг остро осознала, что он может говорить, да и делать со мной, что захочет – кто его остановит? А я могу только бессильно кусать губы и сжимать руки так, что от ногтей, должно быть, останутся следы царапин.

– Попытайтесь ударить, – поправил некромант. – Но мне, возможно, даже понравится. А то, что Вы делаете себе больно – нет.

Он взял мою руку и начал медленно разжимать впившиеся в ладонь пальцы. Его руки были горячими, прикосновения – уверенными и нежными одновременно. Я ощутила, как по коже бегут мурашки.

– Мне холодно, – теперь мой голос звучал откровенно жалко, почти срываясь на слезы. – Я хочу в дом. Пожалуйста!

– Разумеется, – почти прошептал некромант, раскрывая мою ладонь. А затем, вместо того, чтобы отпустить, наклонился и поцеловал мое запястье. Провел языком, будто пробуя на вкус. Поцеловал снова, чуть выше, медленно лаская

губами кожу. Это была сладко. Волнующе. И мне вдруг захотелось, чтобы он продолжил, прикоснулся еще, губами, пальцами, и возможно, с ним я пойму, почему с мужчиной бывает так хорошо, что теряешь голову.

Но свою я потерять не могла. Точно не сейчас.

– Отпусти, – тоже шепотом сказала я.

Ник вскинул голову и посмотрел на меня. Его глаза были абсолютно темными, но я могла поклясться, что в глубине будто мелькают красные всполохи.

– Пожалуйста, – повторила я громче.

Некромант отпустил мою руку и, как ни в чем не бывало, сказал:

– Личи вместо слуг – для некромантов обычное дело, леди Стонтон, имейте в виду, остальные разве что более человекоподобны. Это очень удобно – пара заклинаний для домочадцев, чтобы на них не нападали, и получаем прекрасных помощников по дому – платить не нужно, они всегда послушны, не воруют, не лгут – в отличие от людей, – Ник испытующе посмотрел мне в глаза. Ничего волнующего, соблазнительного, манящего ни в его взгляде, ни в голосе уже не было. – Виржини потрясающе взбалмошна, так что я не удивлен, что она Вас не предупредила. Странно, что Вы сами не попытались разузнать как следует о доме, в котором собираетесь работать.

– Странно, что Вы не предупредили, – пробормотала я, вспомнив наш первый разговор о слугах. – Вы же сразу по-

няли, что я многого не знаю.

– Мне частенько бывает скучно, – Ник ухмыльнулся. – Хотел посмотреть, как будете выкручиваться. Кстати, мое предложение о Вашем скором отъезде отсюда еще в силе. Вы ведь боитесь неупокоенных, что здесь делать?

– Бороться со своими страхами, – съязвила я, понимая, что чертов некромант попросту играет у меня нервах, и, если бы я позволила ему продолжить «соблазнение», он вполне мог на следующее же утро спокойно выставить меня вон, а это в мои планы не входило – для развода Виржини необходим был более громкий скандал. – Кстати, насчет слуг я бы на Вашем месте не очаровывалась – дом как будто заброшен, в саду беспорядок, а на кухне система хранения продуктов такова, что Вы рискуете однажды получить на завтрак кофе с крысиным ядом вместо сахара. Амулет подчинения дадите?

– Запросто, – Ник зевнул. – Утром. Надеюсь, Ваше стремление к самосовершенствованию позволит Вам не визжать каждый раз при виде неупокоенных, и эту ночь я просплю спокойно, – с этими словами некромант неспешно направился к дому.

Я так и осталась стоять в саду с открытым ртом.

## ГЛАВА 4. О ШРАМАХ ДУШЕВНЫХ И ТЕЛЕСНЫХ

[Эванжелина]

Чай я так и не выпила, на ужин меня, видимо, тоже звать не собирались, ввиду его отсутствия – на кухне ничего не изменилось, никто не появился, распорядок Ника, похоже, готовку не предусматривал в принципе. Ничего, завтра я все-таки соберу всех, кто тут прислуживает (говорить «работает» как-то язык не поворачивался), и слегка поменяю сложившийся уклад. Зато опрокинутый мной столик с подносом и невыпитым чаем убрали (и я не хотела даже представлять, как выглядит расторопная горничная).

Есть хотелось все сильнее, поэтому я наплевала на хорошее воспитание и с наслаждением вгрызлась в булочку (на кухне вообще-то есть не принято, но Ник уже высказался, что я не совсем леди, так что терять мне было нечего), запивая ее холодным молоком. Да, день прошел не слишком приятно, но бывало и похуже. Я хотя бы в тепле, у меня есть еда, одежда, деньги...

Одно из самых паршивых моих детских воспоминаний – зима, когда мама очень сильно простудилась и заболела, у нее был сильный жар, ее лихорадило. В какой-то момент мне показалось, что она перестала дышать, и я побежала

к соседям, полуодетая, в слезах. Соседка тогда приглашала очень дорогого лекаря, он оставил для мамы лекарства и амулеты, она поправилась буквально за три дня. Зато потом она бесплатно полгода помогала ему в аптекарской лавке, которую тот недавно купил, а работы там было очень много, от элементарной уборки до общения с посетителями. Мама очень уставала, а позволить мы себе мало что могли – жалованье он платил самое маленькое. Потом, уже в более осознанном возрасте, я узнала, что он хотел оплаты другим способом (наличие жены его не останавливало), но мама отказалась. Она была ему благодарна, что он вообще согласился вылечить ее в долг. Тогда я поняла, что иногда деньги могут купить тебе жизнь, и лучше бы их иметь. Потому я очень экономно тратила то, что стала зарабатывать сама, хотя мне безумно хотелось и красивое платье, и туфли, и шляпку, и дорогое пирожное с витрины кондитерской. А как я сходила с ума от благовоний, ароматных масел и духов! С деньгами Виржини я смогу, наконец, позволять себе маленькие радости. А вот мама этого уже не увидит...

Я осознала, что начинаю расклеиваться, и решительно поднялась. Горячая ванна и постель – вот, что мне нужно.

Как я заметила ранее, большим плюсом дома негостеприимного некроманта были отдельные купальни. В моей комнате она была не слишком большой, но я рассудила, что раз других гостей нет, то я никому не помешаю, если временно займу другую комнату, с более просторной купаль-

ней. Система отопления в доме тоже была, так что я с удовольствием приготовила себе горячую ванну, налила туда пару капель любимого бодрящего лимонно-мятного настоя для ванн и залезла в воду. Что же, подведем итоги. Некромант знает, что мне что-то нужно, это плохо. Возможно, он не слишком притворялся в саду, я на самом деле ему нравлюсь, и это хорошо. Я могу чисто физически понравиться ему чересчур сильно, это плохо, потому что постоять за себя в данном конкретном случае я не смогу. В доме расхаживают неупокоенные, это плохо, пусть даже исключительно для моей нервной системы. Я понятия не имею, как ими управлять, если только Ник не забудет выдать мне амулет, а он может забыть, и на самом деле, и из вредности. Это плохо. О, точно, он вредный – это плохо. Или нормально для некроманта? Ладно, за характер ставим «нейтрально», но «плохо» все равно в целом гораздо больше, чем «хорошо». Придя к этому неутешительному выводу, я вздохнула, зажмурилась и окунулась с головой в пену. Полежала так, задержав дыхание и отпуская все плохое – этому меня учила мама, говоря, что вода очищает и забирает все невзгоды. Жаль, в нашем доме не было ни красивой купальни, ни системы нагрева воды... Ничего, я скоро получу много денег и куплю свой дом, там обязательно все это будет! А еще много разных ароматных масел в резном шкафчике... Вынырнула я в самом благодушном настроении, чтобы упереться взглядом в обнаженную спину некроманта.

В чем Виржини не солгала – так это в том, что шрамы у него действительно имелись. Вдоль позвоночника шел сплошной выпуклый красноватый рубец, под лопатками пересекались несколько тонкий белесых линий, горизонтальным бугристым росчерком была будто поделена правая часть спины, а на пояснице, прямо над брюками, расположился изогнутый след от ожога. И это с прославленной некромантской регенерацией! Бедный, чем же его так?

В приступе жалости я невольно подалась вперед, издав ощутимый всплеск. Спина Ника напряглась, он глубоко вздохнул, затем обернулся ко мне и произнес с нескрываемой иронией:

– Вы здесь всего один день, а уже заняли почти все мое жизненное пространство. Признайте, жителей этого милого городка тяготит соседство с некромантом, поэтому они решились на такой хитрый ход – подослать Вас, чтобы я принял решение съехать отсюда?

– Не думаю, что я могу заставить Вас принять какое-либо решение, – смущенно пробормотала я, отводя взгляд.

Спереди шрамы тоже были – один белесый, длинный, неровный, шедший наискосок по ребрам, а второй небольшой багровый внизу живота. Впрочем, я старалась не слишком смотреть на сам рельефный мускулистый живот. На спине, кстати, тоже отчетливо выделялись мышцы. А не такой уж он костлявый: да, ребра выделяются, а в остальном просто поджарый и высокий.

Ник хмыкнул.

– Вы все же жаждете познакомиться со мной поближе, – подчеркнул слово «жаждете», задумчиво произнес он.

– Вовсе нет, – вспыхнула я, осознав, что вообще-то голая, а скрывает меня только пена, причем, скажем честно, ненадежно так скрывает. – Вам что, из всех купален надо было выбрать именно эту?! В своей комнате у Вас ее нет?

– Могу задать Вам тот же вопрос, – пожал плечами Ник. – И это все еще мой дом, если что, так что вполне могу принимать ванну, где пожелаю.

– Извините, – я осознала всю глупость своего возмущения. – Просто в моей комнате она меньше, а мне так хотелось согреться...

– Как и мне, – Ник вдруг сел на пол спиной ко мне, устало запрокинул голову на бортик ванны и прикрыл глаза. – У Вас чутье, Эванжелина, из всех купален Вы выбрали самую просторную и удобную.

– Я..., – мне отчего-то стало стыдно. – Я правда не хотела Вас стеснить. И я, в общем, закончила. Так что если Вы позволите мне выйти...

– Позволяю, – согласился некромант, не меняя позы. – Выходите.

– Но я же не одета.

– Догадываюсь. Если б Вы принимали ванну в одежде, я бы всерьез задумался о Вашем психическом здоровье.

– Но Вы же тут!

– Обещаю не подглядывать, – усмехнулся Ник.

– Не верю, – угрюмо сказала я.

– Ну разве что самую чуточку.

– Вы женаты!

– Но ее здесь нет, не так ли? – в голосе некроманта послышалась горечь.

– Это же временно...

– К несчастью, да, – с какой – то внезапной злостью сказал Ник. – Я чертовски устал и намерен принять горячую ванну. Именно здесь. А с Вами или без Вас – не так уж и важно. Так что можете либо уйти либо составить компанию, мне, по большому счету все равно.

Я прикинула расстояние между ванной, в которой лежала, Ником и висящим на крючке моим полотенцем. Чтобы достать его, придется встать прямо перед некромантом. Обнаженной. Демонстрировать себя во всей первозданной красе я точно не собиралась, так что...

– Подайте, пожалуйста, полотенце, – попросила я.

– Мне казалось, здесь Вы прислуга, а не я, – равнодушно отозвался некромант.

Я чуть не взвыла.

– Послушайте, Вы можете хоть иногда вести себя как человек, а не как умертвие? Я ведь ничего плохого Вам не сделала! Или Вы в принципе людей ненавидите?

– Люди тоже меня не особо любят. Издержки профессии, – ровным голосом ответил некромант.

– Да неужели? А по мне – характера! Вы всегда таким были?

– Каким?

– Бесчувственным сухарем! – выпалила я. – Люди не любят Вас, потому что ничего хорошего при общении с Вами не чувствуют!

– О, – некромант открыл глаза и неуловимым движением оказался стоящим на полу на коленях, облокотившись на бортик ванной. – Вам удалось меня удивить, Эванжелина, даже задеть. Теперь мне невероятно хочется доказать Вам обратное – как я умею чувствовать. И заставить чувствовать Вас. Преимущественно хорошее.

Темные глаза смотрят прямо мне в лицо, и мне кажется, что я физически ощущаю его взгляд. Чувствую, как он проходится вдоль моей щеки, касается губ, неспешно обводит их, слегка задержавшись у моего рта. Опускается вниз, скользит по шее, плечам и ключицам, устремляется к груди...

– Прекратите! – не выдержала я. Если б у меня была какая – то одежда, я бы сейчас судорожно прикрывалась ей, но в моем распоряжении была лишь мыльная пена.

– Прекратить что? Я даже и не начинал.

– Прекратите смотреть так!

– По-другому не получается, – хрипло сказал Ник. Равнодушие и усмешка ушли из его лица и голоса. Глаза будто стали еще чернее. Я вжалась в ванну, понимая, что ситуа-

ция как-то резко выходит из-под контроля. Ник заметил мое судорожное движение и сжал челюсти так, что на щеках заходили желваки. Резко поднялся, отвернулся. Я видела, как неровно движутся мышцы на спине, подчеркивая прерывистое дыхание. С минуту мы молчали. Потом некромант рванул мое полотенце так, что крючок, на котором оно висело, вылетел из стены и с жалобным звоном упал на пол. Ник, не поворачиваясь, метко швырнул полотенце через плечо прямо мне в руки. Ну и в воду, конечно, тоже, но мне было на это плевать.

– Выметайся! – рявкнул некромант. – Живо!

Дважды повторять мне было не нужно.

[Ник]

После ухода, вернее сказать, бегства, Эванжелины, Ник глухо застонал и со всей силы ударил в стену. Та была хорошо зачарована, в том числе и от истеричных некромантов, так что хоть и отозвалась недовольным гулом, но устояла. Дейл вновь опустился на пол и прислонился спиной к ванне. Расслабился, нечего сказать. Обделенный вниманием и горячей ванной шрам обиженно занял, напоминая о своем существовании.

Тьма злилась. Свивалась внутри в плотные темные жгуты, обжигала яростью и жаждой. Требовала пойти за Эванжелиной и подтвердить то, что он и так чувствовал с первой секунды их встречи и во что отчаянно не хотел верить. Что

никогда не возникало к Виржини или любой другой девушке, и чего он в течение всей своей жизни искренне надеялся избежать.

«Мое!» – глухо подтвердила тьма. – «Забери и подари мне!».

Странно, что она не чувствует притяжения к нему – обычно это работает в обе стороны, и жертва с радостью кидается в объятия своего убийцы. Ник же помнил ее взгляд, скользкий по его шрамам – удивление, жалость, и ни капли вожделения. Чушь все это, что они украшают мужчину – на памяти Дейла ни одна с женщин, которые делили с ним в постель, не приходила в восторг от отметин на его теле, даже когда их было значительно меньше. Виржини вообще ненавидела к нему прикасаться. Впрочем, в последнее время он платил ей тем же, особенно после истории с той несчастной деревенской девушкой. «Насквозь лживая эгоистичная тварь!» – мрачно подумал Ник, прикрывая глаза. Он ведь предлагал ей развод, на любых условиях. Но нет, она будто одумалась, каялась в содеянном, умоляла дать ей шанс искупить содеянное и стать хорошей женой. Попыталась притвориться, что соскучилась по нему, но врать в постели у нее получалось гораздо хуже, так что Ник лишь посмеялся, выставил ее вон и больше не вспоминал о супружеских обязанностях. Они переехали в этот небольшой, уютный, но погрязший в суевериях городок из столицы, где некромант не считался таким уж дивом, тем более – чудовищем, а вел вполне

себе нормальный образ жизни. Там он воспринимался скорее как пикантная изюминка какого-либо вечера, с ним здоровались, приглашали на обеды, даже флиртовать пытались; никто не скручивал фиги и не плевал ему вслед (не то чтобы Ника сильно это задевало, но все же). Да и экспериментировать было легче – к услугам Ника была лаборатория в целых два этажа, не сравнимая со здешним жалким промерзшим подвалом. Виржини, лишившись одного из своих главных развлечений и не сумевшая создать светский салон на новом месте (Ник, признаться, наблюдал за ее попытками с тихим злорадством) на какое-то время притихла, а потом Дейл вновь почувствовал то, чего не должно было быть даже в его доме. Виржини клялась, что непричастна ни к чему такому, но Ник всегда верил своему чутью, и в итоге пригрозил-таки все рассказать ее отцу, если она не разорвет брак сама. Разошлись они на том, что у нее две недели на организацию краха своего брака с наименьшими потерями, с чем она и отбыла – подготавливать почву. Ник было выдохнул, но тут заявилось Эванжелина. Непонятно, как эта дрянь, по недоразумению ставшая его женой, смогла ее найти в такой короткий срок, но на этот раз созданная ею проблема выходила за все возможные рамки. Если все пойдет по плану Виржини, развестись ей и не придется, зато он будет вынужден выбирать между лечебницей для умалишенных и кладбищем.

Воистину хорошее дело браком не назовут.

# ГЛАВА 5. В КОТОРОЙ МЫ ЗНАКОМИМСЯ С НОВЫМИ ГЕРОЯМИ И УЗНАЕМ СТАРЫХ С НОВОЙ СТОРОНЫ

[Эванжелина]

Мне подумалось, что еще пару таких дней, и никаких денег мне будет уже не нужно – я убегу отсюда со всех ног, даже к Виржини не пойду за второй частью обещанной мне суммы. На небольшой дом хватит, дальше разберусь. В конце концов, пойду помогать в лавку – со счетом у меня неплохо. Здесь я возилась с цветами – составляла букеты, выходило, кстати, недурно. Мама еще ругалась с цветочницей, чтобы я сидела в соседней с магазином комнате – мастерской и не выходила из нее к покупателям. Подозреваю, боялась, чтобы мне не заморочил голову какой-нибудь господин, покупающий цветы обманутой жене или идущий на свидание к любовнице (положа руку на сердце, основными покупателями такие и были). Интересно, а какие цветы покупал Ник, когда ухаживал за Виржини?

«Черные орхидеи», – фыркнул мой внутренний голос. – «Похоронные цветы – самое то, чтобы подготовиться к семейной жизни с некромантом».

Интересно, в какой момент у них все пошло наперекосяк?

Пусть с обеих сторон это брак по расчету, но они же прожили несколько лет, значит, как-то договаривались. Неужели до развода спокойно договориться не могли?

Мне бы, наконец, уснуть, но день выдался настолько богатым на впечатление, что сон ко мне не шел.

Следовало признать, что по плану я пока терплю полное фиаско: Ник не испытывает ко мне симпатии, он вообще явно не слишком симпатизирует людям. Если залезу к нему в постель – думаю, с удовольствием воспользуется, но явно не станет переживать, если мы распрощаемся на следующий же день. Для развода нужно, чтобы он либо сам захотел жениться на мне (ха-ха, идея безнадежна изначально), либо оставить вариант громкого скандала, для которого нужно подождать кухню Виржини, дабы она нас застучала, а это несколько дней. Но отчего-то мне кажется, что наш с Виржини план слишком прост для Ника: кто ему мешает сделать что-то с той же кухней, если развод в его планы не входит? Я не имею в виду что-то глобальное типа убить и превратить в того же лича, но разве мало некроманты знают заклинаний и снадобий? А этот еще и экспериментатор. Надо же, некромант, который создает лекарство... В голове не укладывается.

Интересно, почему они переехали сюда? Виржини обмолвилась, что им надоела суетливая столица, я тогда была поглощена мыслями о деньгах и не обратила внимание на эту

явную несостыковку: если ей хотелось покоя, к чему так активно участвовать в светской жизни нашего города?

Мои мысли вновь вернулись к некроманту. Он всегда такой язвительный и холодный?

Нет, тут же ответила сама себе, вспомнив его тяжелый взгляд в купальне, горячие прикосновения губ на моей коже в саду и краснея. Той, которую он полюбит, должно быть очень повезет. Или он хорош только в том, чтобы притворяться? Интересно, каковы его губы на вкус? Болят ли щрамы, когда к ним прикасаются?

«Скоро ты в любом случае это узнаешь», – как-то отстраненно подумала я. За этот день, в течение которого каждый из нас явно узнал о другом больше, чем тот планировал показать, мысль о близости с некромантом перестала тревожить. Она стала какой-то обыденной, даже правильной что ли. Это само по себе должно было напугать, но пригревшейся в мягкой постели мне было просто-напросто лень сейчас бояться.

Я перевернулась на бок, плотнее закуталась в легко пахнущее чем-то цветочным пуховое одеяло и блаженно вздохнула. Дом определенно нравился мне все больше и больше, здесь было так уютно, будто я продумывала его для себя и прожила здесь много лет, просто не помню. Нужно бы все же привести его в порядок перед уходом.

С этими мыслями я наконец-то провалилась в сон.

[Хэрольд]

Хэрольд Грим знал, что он бесстыдно красив, неприлично беден и несправедливо быстро умрет. Этим утром он проснулся от знакомого чувства холода, проникающего в кровь и будто замораживающего его изнутри. Еще час он будет дрожать и дышать судорожными всхлипами, ощущая расплзающийся по всему телу, вонзающийся острыми иглами во внутренности лед. Потом доползет до купальной бочки, швырнет внутрь аж три нагревательных кристалла и будет дрожать уже в ней. Затем отправится в «Веселого лесоруба», на последние деньги выпьет два стакана подогретого вина с пряностями, и лишь тогда начнет продумывает план действий.

Хэрольд торчал в этом городке уже вторую неделю и его уже начинало тошнить. Однако срываться куда-либо в момент, когда все уже почти готово, и у него появился шанс прожить-таки свою несправедливо укоротившуюся жизнь, было глупо. Виржини перед отъездом дала ему четкие инструкции, вот только следовать им он не собирался. Самой госпоже Дейл, с ее однообразными, успевшими надоесть до зубовного скрежета заверениями в любви и отчаянной жаждой свободы и денег, так легко читающейся в ее глазах, жить оставалось ненамного дольше, чем той девушке, Эванжелине, хоть она об этом и не догадывалась – Рольд не собирался рисковать своим вторым шансом.

Хэрольд вообще давно перестал жалеть кого бы то ни было: его ведь никто не пожалел, мигом из дома вышвырнули,

как узнали о проклятии. А он, между прочим, старший сын, наследник рода... Был. Хэрольд невесело усмехнулся: о том, что право наследования добровольно передано им младшему брату знали только его семья и законник, готовивший документы. Больше всего Хэрольда тогда поразил даже не отец, быстро организовавший всю процедуру – в конце концов, он должен думать о благе всей семьи в целом, а мать, которая начала причитать о дочерях, не имеющих шансов удачно выйти замуж с проклятым братом. Рольд надеялся, что она попытается его спасти, начнет искать сильных магов, темных мастеров, наконец! Но его списали со счетов сразу, более того, наложили родовой запрет рассказывать об истинных обстоятельствах получения проклятия.

– Это позор для рода, – сказал тогда отец. – Ты должен был победить или умереть.

Осознав, что никто его спасти не собирается, скорее наоборот, ждут момента, когда можно будет упокоить его в семейном склепе и вздохнуть с облегчением, Хэрольд забрал из банка все оставшееся содержание на этот год, уехал, не попрощавшись, и стал искать способы избавления от проклятия самостоятельно. Даже нашел, хоть ритуал ему и не понравился. Но жить Хэрольду хотелось, так что он вполне мог пожертвовать несколькими не слишком ценными жизнями. То, что он встретил Виржини, иначе как счастливой случайностью и не назовешь. Кто бы еще додумался придумать такое? Но она, похоже, поначалу и впрямь втрескалась в него

по уши. Еще бы – зеленые глаза, светлые волосы, правильные черты лица, золотистая, будто все время после легкого загара кожа, классически правильная фигура – широкие плечи, узкая талия, безбашенность (в последнее время больше отчаяние, но их бывает легко спутать) в глазах, ямочки на щеках, когда он улыбается, чувство юмора и заразительный смех – после хмурого Ника для Виржини Рольд был глотком свежего воздуха. Когда Рольд рассказал ей о проклятии, женщина начала искать способы помочь в разы усерднее, чем он сам. Да и денег, а с ними и возможностей, у нее было несоизмеримо больше. Узнав о муже-некроманте, Хэрольд с трудом подавил желание истерически рассмеяться – забавно, что он продолжает надеяться на лучшее даже сейчас, когда даже роман безопасно для жизни закрутить не может (что-то подсказывало им обоим, что обнаружив у себя ветвистые рога, Ник в восторг не придет). Но страха он не чувствовал – когда приывкаешь к мысли о своей скорой кончине, мало что может напугать. Зато ощущал некий азарт – а вдруг план Виржини удастся? В конце концов, чудеса случаются, просто иногда над их совершением нужно хорошенько потрудиться.

[Ник]

Ник с детства знал, что жизнь некроманта состоит преимущественно из боли и страха, как чужих, так и своих собственных. Что боль бывает разной, имеет оттенки, запах, вкус. И что если к страху худо – бедно притерпеться можно,

то боль, особенно душевная, частенько бывающая гораздо хуже физической, всегда дарит целый букет эмоций, отстраниться от которых невозможно.

Для начала, никто из его родителей не пришел в восторг, когда у малыша проявился темный дар. Особую пикантность ситуации придавало то, что способность к некромантии передается через кровное родство, а ни у матери, ни у отца в роду не то, что сильных темных – вообще магов не было. Скандал был грандиозным. Ник помнил, как впервые в жизни прятался в большом деревянном шкафу – ему казалось, что монументальное творение мастерового гнома своими тяжелыми резными дверями может защитить от любых монстров и страхов. Вот только от полных ярости криков отца он не защищал. В шесть лет Ник плохо понимал, что означает «потаскуха», зато значение слова «ублюдок» знал прекрасно: дворовые мальчишки часто дразнили так деревенского дурачка Якана, которого из жалости порой подкармливали кухарка и горничные, причитая, что ему не повезло ни с разумом, ни с гулящей матерью: родила непонятно от кого, потому что «уж больно до мужиков охоча». Мать Якана, когда-то, быть может, и привлекательная, а теперь сильно пьющая, неряшливо одетая женщина со спутанными волосами и опухшим лицом, иногда попадалась на пути в город, который Ник проделывал в экипаже вместе с одним из родителей. Всегда нарядная, красивая как куколка, светловолосая леди Эмилия Дейлинге с ее звонким смехом, добрыми глазами,

грушево-карамельным обволакивающим запахом духов точно не могла быть такой же, да и отца своего Ник знал. «Это все дурацкая ошибка или, что еще более вероятно, просто сон», – думал Ник, которого в год пробуждения силы кошмары навещали особенно часто, и мальчик отчаянно щипал себя за запястье чтобы проснуться. Но в этот раз проверенное средство отчего-то дало сбой, отец не переставал кричать, в том числе, что не намерен тратить время на маленького поганца, из которого вырастет чудовище. И уж если Эмилии так хотелось разнообразить супружескую жизнь, от ребенка надо было избавляться еще до его рождения, потому что теперь сделать это намного сложнее, а позорить свой дом и имя присутствием здесь отродьем тьмы он не намерен. Мать плакала, но разу не возразила, а на Ника начало обрушиваться понимание, что его ночные беседы с призраками недавно умерших родственников прислуги, лунатизм (он несколько раз просыпался на местном кладбище, в грязи и царапинах), даже случайно «оживленный» им голубь, желающий познакомиться с давшим вторую жизнь «хозяином» и влетевший вечером в его окно, пылая уголками красных глаз и демонстрируя выпотрошенную грудь, – это не самое страшное. Гораздо хуже, что его, похоже, хотят выгнать из дома, и это в лучшем случае. Из шкафа мальчика вытащил дед – его экстренно вызвали на семейный совет и раньше следующего дня не ждали, однако в свои восемьдесят пять старший Дейлинге не утратил любви к новым впечатлениям, поэтому добрался

из пригорода за пару часов на новомодном железном поезде. Подмигнул Нику, вытащил из кармана карамельного эльфа, потрепал мальчика по волосам. Послушал пару минут отзвуки супружеской ссоры, покачал головой и велел Нику:

– Поиграй пока на улице. И не бери в голову то, что здесь услышал – в пылу ссоры люди часто говорят много такого, чего на самом деле не думают.

Ник послушался, засунул эльфа за щеку и побежал к речке. Когда вся семья собралась на обед, никто уже не ругался. Эмилия была бледна и почти ничего не ела, Тобиас Дейлинге, ее муж, наоборот – красен как помидор, и усиленно налегал на жареного поросенка с печеным картофелем, обильно запивая главное блюдо красным вином, а дед Ника, Джеральд Дейлинге, как ни в чем не бывало рассказывал о последней театральной премьере, на которой ему довелось побывать (он вообще выглядел отлично и вел довольно активный образ жизни для своего почтенного возраста). Нику сказали, что ему пригласят особого учителя, чтобы научить управлять своим даром. Мальчик отлично видел, как при слове «дар» стиснул зубы и еще сильнее побагровел отец, а потом бросил на Ника такой взгляд, что он сам ощутил себя в роли того голубя – и смотреть противно, и добить жалко.

Особый учитель явился буквально через пару дней. Невысокий, лысый, сутулый, небрежно одетый, он производил впечатление скорее не слишком удачливого приказчика городской лавки, нежели могущественного мага смерти. Это

позднее мальчик понял, что кажущиеся подслеповатыми и выцветшими глаза на самом деле показывают близость мастера к Той стороне (как в его годы будет выглядеть сам Ник, если, конечно, проживет столько, некромант впоследствии старался не думать), морщинистые руки с шишковатыми суставами одним жестом способны обратить в пыль половину леса (это довелось наблюдать при нашествии тыгрид – прожорливые насекомые, плодящиеся в геометрической прогрессии, были редким, но весьма ощутимым бедствием севера, и уж если прилетали, то единственным выходом было уничтожить их вместе с деревьями, на которых могли остаться кладки яиц). Еще мастер Нигру был приверженцем старой школы, считавшей, что тьма – великий дар, и в процессе обучения маг должен показать, что он достоин дарованного могущества. Так что будни Ника на последующие шесть лет были наполнены знакомством с подземными червями, до места обитания которых еще нужно было прокопать глубокую яму у болота, трупами животных, зомби разной степени разложения и скелетами, преимущественно людей – на тех же болотах их было предостаточно. А какие красочные впечатления остаются от ночевки в земле – не в сухом гробу, где ты хотя бы немного можешь дышать, а в обыкновенной яме, сверху которой наваливают землю, и нужно учиться заставлять легкие и сердце перестраиваться – Ник потом неделю кровью кашлял. Позднее, посетив отделение для Темных в Королевской школе столицы, некро-

мант был потрясен в каких тепличных условиях выращивали будущих магов смерти – помимо гробов, которых по удобству можно было смело относить к классу «Люкс» (особо родовитым или попросту богатым можно было даже заказать гроб с кожаной или шелковой подушкой – вообще извращение, под землей нужно будить силу, а не дрыхнуть, так что Ник повозмущался и конфисковал один – спалось в нем потом и впрямь прекрасно), даже процесс инициации, состоявший из нескольких ступеней, тщательно контролировали. Возможно, и сил поэтому у них было маловато по сравнению с Ником. В разы. Тьма ничего не дает просто так. Нику никто не помогал, каждую ступень инициации он искренне думал, что на этот раз точно сдохнет, но нет, выкарабкался. Как потом объяснял Нигру, тьма жадна до эмоций, она может многим одарить, но любит и ломать, показывать, что все равно хозяйкой остается она, что бы по этому поводу не думал сам некромант. Так что пройти инициацию достойно, без воплей и желания умереть, чтобы все это, наконец, закончилось, шансов ни у кого изначально нет. Зато прекрасно помогает от жалости к ближним – срабатывает контраст между тем, что считают ужасным они и что считаешь таковым ты сам. Окружающим это не нравится, поэтому некромантов начинают считать черствыми и грубыми. По сути же, дело лишь в разном болевом пороге, как физическом, так и эмоциональном – что для обычного человека целая трагедия, для темного лишь неприятность. Ну и честность, без-

условно, играет свою роль – некроманты так привыкают, что на Той стороне все по-настоящему, что редко считают нужным врать, даже если окружающих правда шокирует.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.